

ред.

ИЗДАНИЕ М.В. ПИРОЖКОВА СПЕТЕРБУРГЪ.

5-21

Handwritten text in red ink, oriented vertically in the center of the page. The text is faint and difficult to decipher but appears to contain several lines of characters.

Handwritten text in blue ink, located on the right edge of the page. It appears to be a partial mark or the beginning of a word.

Екатерина Кимова
Клетнова

ПРОВЕРЕНО
1958 год

Проверено—1965 г.

Б-21

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ТРИ РАСЦВЪТА

ДРАМА

ТЕАТРЪ ЮНОСТИ И КРАСОТЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

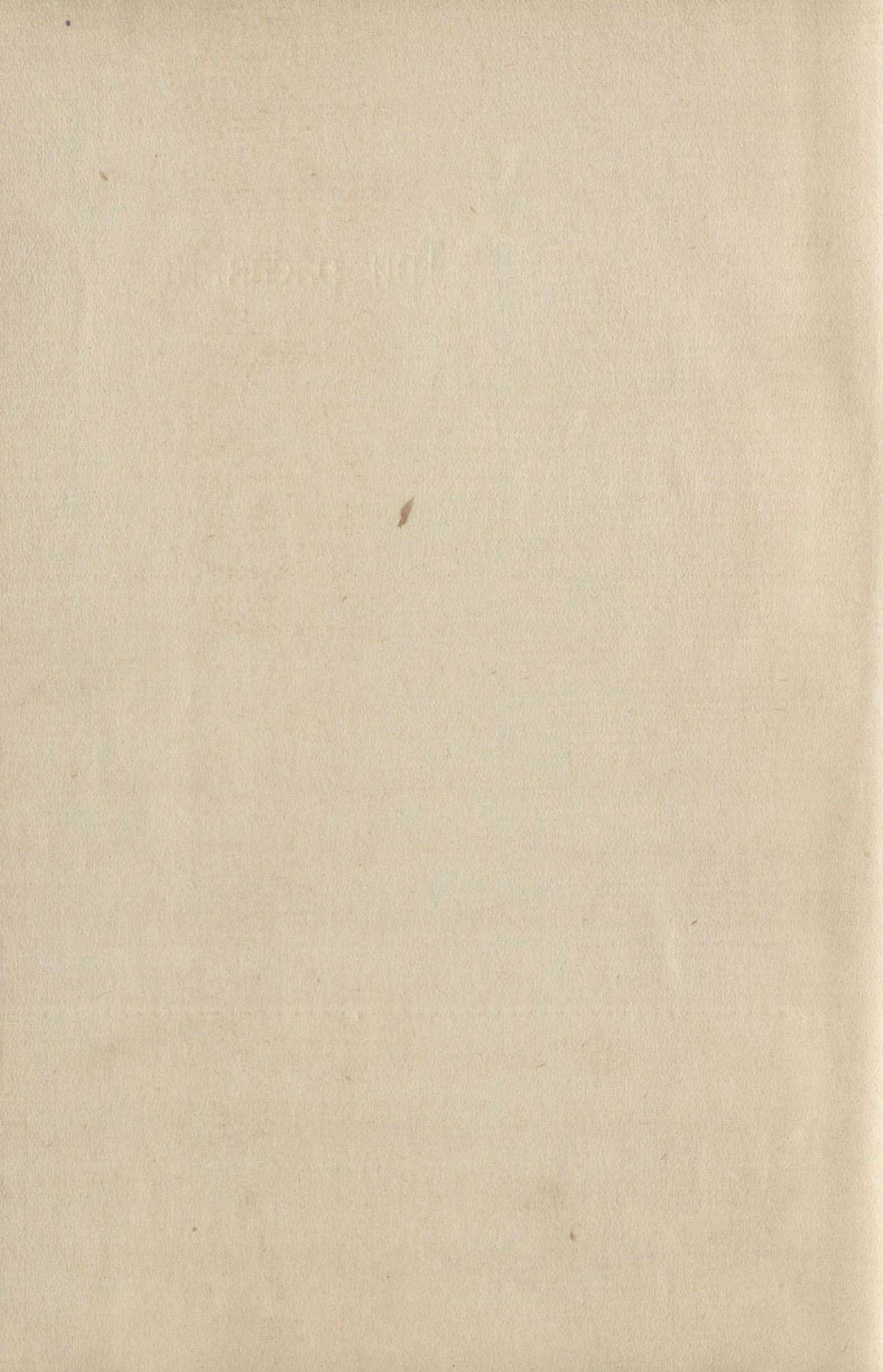
ИЗДАНИЕ М. В. ПИРОЖКОВА

4901 рет.

4901 м

Смоленская
областная
библиотека
им. В. И. Ленина

Три расцвѣта

Лица первой картины

ЕЛЕНА
ЮНОША

Золотистое утро Весны. Время—около полудня. Лѣсъ, покрытый нѣжной зеленью. Множество разныхъ цвѣтовъ, голубыхъ, синихъ, золотистыхъ, желтыхъ. Слѣва, въ глубинѣ, обрывистый берегъ озера, которое виднѣется за лѣсомъ уходящею вдаль зеркальностью.

Елена и Юноша, оба на утрѣ своихъ дней, съ красотой скорѣе апрѣльской, чѣмъ майской, веселые, смѣющіеся, проходятъ по лѣсной прогалинѣ, образующей передній фонъ, наклоняются, срываютъ цвѣты, подбираютъ стебель къ стеблю, бросаютъ цвѣты, ищутъ новыхъ, садятся, снова встаютъ, уходятъ, возвращаются, ускользающимъ взглядомъ смотрятъ другъ на друга, но какъ будто все время видятъ не другъ друга, а только весенній лѣсъ кругомъ и грезы собственнаго сердца.

Елена, съ пучкомъ фіалокъ въ лѣвой рукѣ, между которыми есть одинъ желтый цвѣтокъ, говоритъ нараспѣвъ.

Есть растеніе, зовется золотымъ дождемъ,
На богато-желтыхъ гроздьяхъ бабочки садятся,
Межь его тройчатыхъ листьевъ, мотыльки на немъ
Любятъ, любятъ, влюбляютъ, тройственно пьянятся.

Юноша. Кто научилъ тебя этимъ словамъ?

Елена. Я не знаю. Сами пришли ко мнѣ.

Юноша. Ты говоришь неправду.

Елена. А что такое правда?

Юноша. Ты знаешь сама.

Елена. Ты думаешь? Нѣтъ, не знаю. Да и ты не знаешь, хоть говоришь о ней.

Юноша. Солнце свѣтитъ,—это правда. Цвѣты цвѣтутъ,—это правда. Я тебя люблю,—это правда.

Елена. Солнце зайдетъ,—гдѣ же тутъ правда? Цвѣты отцвѣтутъ,—гдѣ же тутъ правда? А слово „люблю“ я не понимаю.

Юноша. Ты красива, Елена, ты красива какъ Міръ. Я счастливъ, когда я гляжу на тебя. Мнѣ хочется глядѣть еще и еще. Я хочу быть съ тобой. Близко, рядомъ, всегда. Я не знаю ничего лучше тебя. Вотъ, что есть любовь.

Елена. Если такъ, то я все люблю. Мнѣ хочется быть въ лѣсу,—онъ красивый. Я хочу глядѣть на Небо,—оно синее. Я хочу, чтобы лѣсъ кончался,—на опушкѣ его видны дали. Я люблю голубые цвѣты, и ищу золотистыхъ, воздушно-желтыхъ. Я все люблю.

Юноша. А меня?

Елена. Ты умный и глупый.

Юноша. А меня?

Елена, *шутливо*. Немножко. Такъ, чутьчку.

Юноша, *грустно*. Ты все смѣешься надо мною.

Елена. Я не понимаю, о чемъ ты говоришь. Мнѣ хорошо съ тобой.

Юноша. Я хотѣлъ бы съ тобой быть всегда. Не видѣть ничего, кромѣ тебя.

Елена. Я не знаю ничего, что бываетъ всегда. Мнѣ нравится, что все измѣняется. Ты любишь яркія краски? Ахъ, какъ я люблю ихъ! Цвѣты и краски. И въ радугѣ—всѣ они, безъ счета. Но развѣ радуга—всегда? Ты же знаешь, какъ и я. Чтобы она засвѣтилась на нѣсколько минутъ, нужно, чтобы долго тянулись тучи, такія темныя, и чтобъ громъ гремѣлъ, и чтобы молнія сверкала, страшно такъ, и чтобъ дождь шелъ. А потомъ—листы зеленые, и цвѣты, голубые и желтые, нѣжныя растенія...

Есть растеніе, зовется золотымъ дождемъ,

На богато-желтыхъ гроздьяхъ бабочки садятся...

Юноша. Да, но кто жъ тебѣ сказалъ эти слова?

Елена. Постой, я тебѣ расскажу. Когда я была совсѣмъ еще дѣвочкой...

Юноша. А сколько тебѣ лѣтъ, Елена?

Елена. Право, какіе ты смѣшные вопросы предлагаешь. Ты старше меня, а мнѣ кажется, что ты маленькій мальчикъ, которому нужно рассказать что-нибудь интересное. „Сколько лѣтъ“.

Начинаю я жизнь каждый день,—каждый день умираю. Я не такая, какъ другіе. Иногда мнѣ кажется, что я жила всегда. Люди кругомъ мѣняются, плачутъ, страдаютъ, смѣются, болѣютъ, умираютъ,—а я всегда одна и та же, и всегда въ душѣ у меня ясно. Точно я гляжу на все черезъ высокое окно. Или точно передо мною зеркало, и тамъ, за спиной моей, тѣни приходятъ и уходятъ, а я гляжу въ свѣтлую-свѣтлую зеркальную глубину. Какъ хорошо, какъ хрустально, и красиво, и ласково-холодно. Я молода какъ утро, и я душой своей—не умомъ, а душой—помню то, что было тысячи лѣтъ. *Замолкаетъ.*

Юноша. Говори, милая. Я слушаю тебя.

Елена. Когда я была совсѣмъ маленькой дѣвочкой, я любила уходить одна изъ дому, и днемъ, когда Солнце такое яркое, и птицы поютъ среди вѣтвей, я ложилась въ траву, на лѣсной опушкѣ, закрывала глаза, и видѣла новый міръ, онъ былъ такой же, какъ этотъ, но только лучше. Небо глубже, трава зеленѣе, цвѣты нѣжнѣе и воздушнѣе. Въ міръ, который я видѣла закрытыми глазами, не было ни одного рѣзкаго звука, и самыя яркія краски не были тревожащими. Мнѣ чудилось, будто съ высокой горы беззвучно падали серебряныя воды. Они упали въ озеро, въ которомъ никогда не было волнъ. Свѣтлая водная равнина, вольная, безъ конца спокойная.

Юноша. Какъ это, вонъ тамъ?

Елена. Нѣтъ, то было лучше. Въ томъ нельзя

было утонуть. По нему проходили какіе-то призраки, они шли къ далекому замку, который возвышался изъ серебряныхъ водъ, а онъ былъ золотистый и всходилъ до самой синевы. Когда я долго на него смотрѣла—такъ, душой, съ закрытыми глазами—въ этомъ замкѣ раздавалась музыка. Тихая, красивая какъ Небо, далекая какъ Вечерняя звѣзда. Я была въ нихъ, въ этихъ радостныхъ звонахъ, они окружали меня отовсюду, я была въ нихъ—и они во мнѣ.

Юноша. Какъ странно измѣняется твое лицо. Мнѣ кажется, что я вижу тебя черезъ прозрачную, недостижимую преграду.

Елена. Когда я такъ грезила на лѣсной опушкѣ, ко мнѣ наклонялись какія-то призрачныя лица. Я видѣла блестящія зрачки, и мнѣ казалось, я куда-то ухожу все дальше и дальше, все глубже. Я читала тайны душъ. Въ моей душѣ возникали слова, и кто ихъ говорилъ, не знаю. Кругомъ было молчаніе. А слова пѣли въ моей душѣ.

Юноша. Ты такъ и узнала эти строки о цвѣткѣ, что зовется золотымъ дождемъ?

Елена. Да, такъ. Близко-близко было отъ меня чье-то лицо. Я помню золотистые волосы, и свѣтлые глаза, которые мѣнялись. Они были какъ морская волна, голубовато-зеленые. Но когда лицо приближалось ко мнѣ, они темнѣли. И они казались совсѣмъ черными, когда лицо совсѣмъ наклонялось ко мнѣ. Онъ ничего мнѣ—я говорю онъ, потому что я какъ сейчасъ помню это лицо—

онъ не говорилъ мнѣ ничего, онъ только пристально смотрѣлъ. Но я все читала, что было у него въ душѣ. Мнѣ было радостно и уютно. Мы оба такъ вѣрили другъ другу,—точно братъ къ сестрѣ вернулся изъ-за дальняго Моря. Точно снова умъ понялъ, что раньше понималъ, но забылъ. Точно вся я стала легкая, вся стала какъ воздухъ и свѣтъ,—и въ одно и то же время была всюду и была тамъ, гдѣ мнѣ было такъ уютно. Весь міръ превратился въ одинъ золотой сонъ. Ото всего исходило сіяніе. Длинные гроздья цвѣтовъ, душистыхъ, какъ желтая и бѣлая акація, откуда-то тянулись ко мнѣ, качались, жоть вѣтра не было. И бабочки порхали, голубыя и желтыя, такія веселыя, узорныя. Все смѣшалось. Я слышала, какъ трепещутъ маленькія крылышки. Хотѣла открыть глаза, а они не раскрывались. Хотѣла встать—и не могла. Солнечный лучъ, широкой полосой, захватилъ меня, обнялъ, и точно не пускалъ. А строки пѣли во мнѣ... „Золотымъ дождемъ“... „Золотымъ дождемъ“...

Юноша. А потомъ?

Елена. Съ тѣхъ поръ я всегда ихъ помнила. Я ихъ часто вспоминаю, когда я вижу что-нибудь красивое. Лицо, въ которомъ свѣтъ, или весенніе цвѣты, нѣжные лютики, или Небо, на которомъ одно только облачко, по краямъ золотое.

Юноша. Ты очень любишь эти строки?

Елена. Очень.

Юноша. А что въ нихъ—ты знаешь?

Елена. Я не умѣю этого рассказать. Я ихъ вспоминаю всегда неожиданно, и въ душѣ у меня тогда такъ прозрачно и радостно. Точно весенній ручеекъ только что разбилъ свои льдинки и журчитъ по камешкамъ. Спѣшить, бѣжить, спѣшить, бѣжить. И послѣднія льдинки звенятъ. Нѣтъ, я не знаю, что въ этихъ строкахъ, но, когда я ихъ вспоминаю, мнѣ кажется, что въ нихъ весь мѣръ.

Юноша, *наклоняясь къ Еленѣ*. Елена, поцѣлуй меня.

Елена, *отстраняясь слегка*. Ты опять объ этомъ. Зачѣмъ тебѣ это нужно?

Юноша. Я люблю тебя. Поцѣлуй меня, милая.

Елена. Ты совсѣмъ какъ моя мать, которую я схоронила. Ей тоже непременно хотѣлось, чтобы я цѣловала ее. Я ее очень любила, но мнѣ не хотѣлось ее цѣловать.

Юноша. Какой ты безумный, жестокий ребенокъ!

Елена. Но мнѣ, правда, хорошо съ тобой. Ты мнѣ нравишься. А только цѣловаться мнѣ не хочется. Давай лучше собирать цвѣты.

Юноша. А потомъ?

Елена. Я не знаю „потомъ“, я знаю только „сейчасъ“.

Юноша. Хорошо, давай собирать цвѣты. Я хочу всего, чего хочешь ты, Елена.—Ты хочешь голубыхъ цвѣтовъ, или золотистыхъ?

Елена. Знаешь, милый, ты не сердись на меня. Но я, правда, же не умѣю желать многого.

Люди такіе странные и чужіе мнѣ. Даже ты. Они все чего-то хотятъ, чего никакъ нельзя хотѣть, гонятся какъ безумные за призраками, но и самые призраки хотятъ сковать. Имъ хочется, чтобы облачко было вотъ такое, именно такое, а оно вѣдь хочетъ быть другимъ каждую минуту, и всегда мѣняетъ очертанія. Ты не принуждай меня. Когда голосъ мой внутри велитъ мнѣ быть иной, чѣмъ я теперь, я буду иная. А раньше—невозможно.

Юноша. Я хочу того, чего хочешь ты.

Елена. Мнѣ хорошо съ тобой. Я чувствую, что мы какъ дѣти, и что это быстро пройдетъ. Ты не увидишь. Но сейчасъ хорошо. Пусть будетъ это сейчасъ. Милый, кто свободнѣе сейчасъ, чѣмъ мы съ тобой? Развѣ только вѣтеръ да птицы, у которыхъ—крылья. Давай собирать цвѣты. Я бросила незабудки. Онѣ такія наивныя. Я не хочу больше фіалокъ. Онѣ грустныя, и цвѣтъ ихъ какой-то прощальный, предѣльный. Я хочу золотистыхъ желтыхъ цвѣтовъ. Въ нихъ солнце, лучи, въ нихъ радость. Вотъ въ этихъ—какое торжество весны! Одуванчики. Нѣжные. Я ихъ люблю съ дѣтства. Каждый желтый цвѣтокъ—точно радостная вѣсть оттуда, изъ чертоговъ Солнца.

Юноша. А потомъ они отцвѣтутъ, и будутъ сѣдые.

Елена. Я тебѣ сказала, что не хочу „потомъ“. Я хочу вонъ тѣхъ цвѣтовъ, лютиковъ. Каждый изъ нихъ—точно маленькое солнце. И какое свѣжее у нихъ дыханіе. Въ нихъ и золото Огня и

влажность свѣжей Воды. Когда я гляжу на нихъ, во мнѣ что-то тихонько поетъ.

Юноша. Да, лютики красивые. Но только они ядовитые.

Елена, *посль минутнаго молчанія*. Такъ скоро ты уже забылъ свои, свои же слова. Не ты ли говорилъ мнѣ, что цвѣты цвѣтутъ и Солнце свѣтитъ. А когда я на мгновенье такъ радостно забыла, что цвѣты отцвѣтають и Солнце заходитъ, то мнѣ объ этомъ торопишься напомнить. Я больше не хочу быть съ тобой.

Юноша. Милая, прости меня. Но мнѣ было больно. Это оттого.

Елена. „Лютики ядовитые“. Но они не отравляютъ меня. Ты отравляешь мои мгновения и измѣняешь ихъ красоту.

Юноша. Тебѣ не жаль мѣня. Ты знаешь, что я тебя люблю, и ты говоришь, что я тебѣ нравлюсь, но ты не хочешь подарить мнѣ одинъ поцѣлуй. А я за тебя отдалъ бы цѣлую жизнь.

Елена. Ну, хорошо. Если ты такъ этого хочешь. Только жизни мнѣ цѣлой не нужно. Мнѣ довольно одного цвѣтка.

Юноша. Какого? Скажи. Я его тебѣ найду.

Елена. Онъ и близко и далеко. Вонъ тамъ, подъ срывомъ, въ водѣ есть бѣлая лилія. Если не боишься, и можешь, сойди по обрыву и сорви ее мнѣ.

Юноша. Боюсь? Вотъ слово. Я сейчасъ ее сорву.

Елена. Ты, быть можетъ, не знаешь. Тамъ очень крутой спускъ. И лилія растетъ у самаго края, а край у срыва скользкій и покатый. Ты, пожалуй, упадешь.

Юноша. Нѣтъ, милая, я сорву тебѣ твой цвѣтокъ, и узнаю счастье.

Елена. Смотри, утонешь. Тамъ глубоко.

Юноша. Я иду къ Водѣ.

Елена. Принесешь мнѣ лилію, я тебя поцѣлюю.

Юноша. Какъ хорошо мнѣ! Точно весь міръ измѣнился.

Елена. Мнѣ тоже хорошо. Пойдемъ вмѣстѣ. Я подожду тебя здѣсь наверху и буду смотрѣть на тебя сверху.

Юноша. Я люблю тебя.

Елена. Ну, иди. Люби.

Юноша. Бѣлая лилія! Сейчасъ! *Спускается по обрыву и исчезаетъ за скатомъ. Елена приближается къ краю обрыва слѣва и, перегибаясь, глядитъ внизъ, четкая красивымъ своимъ профилемъ.*

Елена. Онъ скользитъ. Цѣпляется. Онъ спускается все ниже.

Юноша, *за срывомъ.* Елена!

Елена. Я здѣсь, наверху.

Юноша, *за срывомъ.* Я сейчасъ дойду до края.

Елена. Я жду тебя.—Онъ все ближе и ближе къ Водѣ. Онъ сейчасъ дойдетъ. Онъ скользитъ, но не боится.

Юноша, *за срывомъ.* Елена! Я люблю тебя.—
Елена!

Елена. Что, милый?

Юноша, *за срывомъ*. Я сейчас сорву твою бѣлую лилію.

Елена. Онъ склоняется къ Водѣ. Онъ тянется, тянется. Онъ сейчасъ прикоснется къ цвѣтку. Онъ весь искривился. Онъ на самомъ краю. Онъ на скользкомъ краю. Онъ скользитъ. Онъ коснулся цвѣтка.—А! — *Пауза*.—Онъ упалъ! — *Длительная пауза*. Елена выпрямляется, какъ бы выростаетъ, и отверщается всѣмъ тѣломъ отъ обрыва. — Утонулъ. Я такъ и знала.

Лица второй картины

ЕЛЕНА
ЛЮБЯЩІЙ
ПРИЗРАКЪ ЖИЗНИ
ХОРОВОДЪ СЕМИ ДѢВУШЕКЪ
ДѢВУШКА-РОЗА
ДѢВУШКА-МАКЪ
ДѢВУШКА-ГВОЗДИКА
ДѢВУШКА-ДРЕМА
ДѢВУШКА-РУБИНЪ
ДѢВУШКА-КОРАЛЛЪ
ДѢВУШКА-ПЛАКУНЪ-ТРАВА

Надѣво—старинный Замокъ, среднее пространство—садовая лужайка, направо—группа деревьевъ, образующихъ чащу. Повсюду—множество красныхъ цвѣтовъ. Часъ—предзакатный. На Небѣ—воздушность розовыхъ, алыхъ, и густокрасныхъ тоновъ.

Елена и Любящій *выходятъ изъ чащи деревьевъ и, перестывая лужайку, медленно приближаются къ Замку.*

Любящій. Я люблю тебя. Я люблю тебя,
Елена!

Елена. Зачѣмъ ты говоришь слова любви — какъ будто произносишь слово угрозы?

Любящій. Но, Елена, вѣдь я же люблю тебя.

Елена. Ты сказалъ, ты говоришь. Но я слышу въ твоихъ словахъ не ласку, а гнѣвъ.

Любящій. О, Елена, ты меня мучаешь. Ты не можешь не понимать, что я жду отъ тебя признанія.

Елена. Развѣ все нужно замыкать въ слова? Вѣдь я съ тобой.

Любящій. Милая, любимая, вся душа моя благодаритъ тебя за это. Я дрожу отъ счастья, видя тебя. Но я и дрожу отъ боли, потому что со мной ли ты, или не со мной, ты каждую минуту ускользаешь отъ меня.

Елена. Я не могу быть иной. Я всегда такая, какою мнѣ суждено быть. Ты знаешь, что я всегда одна и та же. И ты знаешь, что я только съ тобой чувствую себя не мертвой.

Любящій. Каждый разъ, когда я иду на свиданье съ тобой, я чувствую себя богомъ, которому принадлежитъ Вселенная. Каждый разъ, когда я ухожу, мнѣ кажется, что, нищій, я падаю въ безмѣрную пустоту. Ты говоришь и не говоришь. Ты любишь и не любишь. Ты моя и не моя. Я въ отчаяніи. Я не могу больше ждать. Я люблю, я слишкомъ люблю тебя.

Елена. Я не умѣю сковывать свои ощущенья со словами. Но, если ты этого непременно хочешь, я могу сказать, что во мнѣ.

Любящій. Скажи, скорѣе.

Елена. Быть можетъ, ты самъ пожалѣешь, что такъ торопишься къ словамъ.

Любящій. Каждое твое слово есть лучъ для меня.

Елена. Есть странный цвѣтокъ, который зовется—любовь въ туманѣ.

Любящій. Ну?

Елена. Ты думаешь, что всѣ цвѣты любятъ свѣтъ? Ты не знаешь. Цвѣтокъ, который зовется любовью въ туманѣ, боится именно лучей.

Любящій. Онъ умретъ отъ лучей?

Елена. Онъ умретъ.

Любящій. Сколько другихъ цвѣтовъ! Есть розы, гвоздики, шиповникъ, и маки. Есть красные лепестки, напоенные лучами и кровью.

Елена. И кровью.

Любящій. Это цвѣтъ жизни.

Елена. Мы живемъ въ такомъ странномъ мірѣ, что цвѣтъ жизни совпадаетъ въ немъ со цвѣтомъ смерти.

Любящій. Елена, не мучь меня больше. Я усталъ отъ словъ.

Елена. Больше словъ не будетъ. Мы уже убили словами тотъ цвѣтокъ, который былъ мнѣ дорогъ. Слушай. Ты уйдешь сейчасъ, и придешь сюда, когда Солнце зайдетъ за край горизонта. Я буду ждать тебя. Если я почувствую, что въ душѣ моей цвѣтутъ тѣ яркіе цвѣты, въ которыхъ ты видишь цвѣтъ жизни, ты будешь счастливъ—какъ

богъ, которому принадлежитъ Вселенная. Но, если... если подъ красными красками потухающаго Неба не раскроются въ душѣ моей красные цвѣты, ты упадешь навсегда въ безмѣрную пустоту. Я не знаю, нравится ли мнѣ алый цвѣтъ.

Любящій. Тогда въ мѣръ порвется чья-то жизнь.

Елена. Быть можетъ, двѣ. Зачѣмъ предугадывать? Иди.

Любящій. Я приду!

Елена. Я буду ждать тебя. Ты придешь. *Любящій дѣлаетъ правою рукою прощальный жестъ, наполовину приветственный, наполовину напоминательный, и уходитъ, огибая Замокъ.*

Елена. „Я приду“. Быть можетъ, было бы вѣрнѣе сказать: „Я уйду навсегда“. Ты не знаешь, чего ты меня лишилъ. Ты не знаешь, куда ты идешь. Но день долженъ уходить къ ночи.

Елена входитъ на террасу Замка, садится и смотритъ на лужайку. Призракъ жизни вырастаетъ передъ Еленой, возникая передъ ея глазами какъ бы изъ нѣкотораго темнаго пятна. Свѣтъ на время дѣлается болѣе тусклымъ, чтобы въ концѣ вспыхнуть еще роскошнѣе красными тонами.

Призракъ жизни. Елена! *Елена вздрагиваетъ, но сохраняетъ молчаніе.*

Призракъ жизни. Елена, я снова прихожу къ тебѣ, и снова и снова ты кого-то убьешь—не ножомъ, не ядомъ—красотой. Сколькіе погибли изъ-

за тебя. Вспомни. Ты живешь какъ колдунья. Ты живешь на Землѣ—не подчиняясь земному. Ты привлекаешь сердца—и отбрасываешь ихъ. Время не имѣетъ надъ тобой силы. Ты не знаешь жалости. Ты безжалостна, потому что ты чудомъ своего существа остаешься безконечно все тою же юною... А, юною дѣвушкой, съ прозрачными глазами! Я говорю это съ бѣшенствомъ! Я говорю это какъ убитый, которому на нѣсколько секундъ дали власть говорить о томъ, кто его убилъ. Кто его убилъ, и какъ убили. Отняли жизнь, затмили Небо, Землю сдѣлали тюрьмой. Я хочу мести! Я отомщу тебѣ той же гибелью.

Елена. Ты еще любишь меня. Ты, призракъ.

Призракъ жизни. Елена, я люблю тебя. Я самъ себя убилъ, я самъ умертвилъ всѣ возможности, захотѣвъ того, чего нельзя желать. Я—рабъ страсти, я—тѣнь, я—призракъ. Но ты скажи мнѣ, кто ты, Елена?

Елена. Я—жизнь, и я—смерть, ты знаешь. Я убиваю своимъ безучастіемъ, но ты же вѣдь знаешь, что только мною жизнь жива.

Призракъ жизни. Я знаю. Ты была тогда красивой и юной, когда красное зарево освѣщало безумье Троянъ и Эллиновъ. Ты была красивой и юной, когда изъ крови растерзаннаго впрямь Адониса родился цвѣтокъ анемоны. Ты глядѣла неразгаданно, когда за тебя шли биться съ невѣрными рыцари. Ты была всегда. Ты была всюду. Тобою движутся міры. Тобою вѣчно живетъ и обно-

4901 P.

вляется жизнь. Безъ тебя нѣтъ и не было бы жизни. Всѣ звѣзды только для тебя. Но зачѣмъ же нельзя съ тобою слиться? Зачѣмъ ты ускользаешь каждую секунду отъ тѣхъ, кто тебя любитъ больше всего? Ты взглянешь—и тебя нѣтъ. Ты сдѣлаешь мгновение красивымъ—и за это мѣсяцы и годы мученій. Въ моихъ словахъ не мой лишь голосъ, а вопли тысячъ и тысячъ тѣхъ, которые умерли въ отчаяніи. Я люблю тебя, но любовь и ненависть—одно. Я хочу вѣчно любить тебя и быть счастливымъ, или убить тебя своею ненавистью. Я убью тебя, Елена.

Елена. Если бы въ тебѣ стонала вся Вселенная, ты не могъ бы убить меня, потому что Жизнь, и тайна Жизни, бессмертна.

Призракъ жизни. Но ты умрешь!

Елена. Я исчезаю—и возникаю. Мнѣ умереть нельзя. Во мнѣ есть тайна, которой не коснется никто. Я должна быть такой, какая я всегда.— Вотъ сейчасъ, выйдутъ изъ Замка семь дѣвушекъ, и будутъ—какъ цвѣты, и будутъ говорить мнѣ о цвѣтахъ. Я буду глядѣть на краски и буду слушать созвучія. Быть можетъ, я и опять полюблю красный цвѣтъ, какъ любила его гдѣ-то, когда-то. Быть можетъ, не полюблю, и, вмѣсто жизни, вдругъ возникнетъ смерть. Колесо должно кружиться, ткань разноцвѣтностей должна создаваться, пусть шумитъ станокъ, и тянется длинная нить. Тѣни мелькаютъ, но я бессмертна. Если же я уйду отъ этого Замка, я буду безмолвно сидѣть у другихъ оконъ, близъ другихъ дверей и цвѣтовъ.

Призракъ жизни. Елена, и ты будешьъ уби́та! *Исчезаетъ.*

Елена. Какъ однообразны сердца людей. Мнѣ въ хочется созвучій, звонкихъ свободныхъ строкъ... *Семь Дѣвушекъ, каждая въ одежду, соответствующей ея наименованію, выходятъ изъ Замка, и подѣ звуки тихой струнной музыки, звучащей въ отдаленіи, безмолвно ведутъ хороводъ. Постепенно, музыка смолкаетъ, и Дѣвушки говорятъ, нарстающе, въ вмѣстѣ, гармонично перебивая друга друга, и произнося строки такъ, что одна Дѣвушка подхватываетъ кончающуюся строку, произносимую другой.*

Семь Дѣвушекъ

Мы цвѣты, цвѣты, цвѣты,
Мы живемъ для Красоты,
Свѣтлымъ сномъ.
Ночью, вечеромъ, и днемъ,
Для мечты,
Мы въ цвѣтеніи живемъ.
Мы цвѣты, цвѣты.

Утромъ, въ полдень, въ часъ ночной,
Подъ ущербною Луной,
При звѣздахъ,
Въ яркихъ солнечныхъ лучахъ,
Въ темнотѣ,
Мы въ нарядныхъ лепесткахъ
Сердцемъ рвемся къ Красотѣ.

Красный, желтый, голубой—
Три расцвѣта, предъ Судьбой,
Въ нихъ несчетность разныхъ сновъ,
Несосчитанность тоновъ,
Всѣ цвѣты,
Изумрудность всѣхъ листовъ,
Пышный праздникъ Красоты.

Предъ побѣдой Бѣлизны
Дышутъ сны,
Мы цвѣтемъ,
Для мгновенья мы живемъ,
И поимъ, пьянимъ мечты,
Жизнь и смерть къ Любви зовемъ,
Красота—цвѣта—цвѣты.

Дѣвушки снова ведутъ хороводъ, опять звучитъ тихая струнная отдаленная музыка, черезъ нѣсколько мгновений она снова замолкаетъ, и Дѣвушки опять говорятъ строки.

Семь Дѣвушекъ

Въ каждомъ мигѣ—свой завѣтъ,
Повторенья мигу нѣтъ.
О, живой, живи,
Все скорѣй своимъ зови,
Что тебѣ дарить свой свѣтъ.
Ярче всѣхъ-цвѣтокъ любви,
Яркій жаркій красный цвѣтъ.

Семь насъ, Дѣвушекъ, смотри,
Солнце жжетъ, и ты гори,
Сердце, гдѣ живетъ мечта,
Семь насъ, Дѣвушекъ, и мы
Передъ тѣмъ какъ темнота
Все смѣшаетъ въ царствѣ тьмы,
Позабыли всѣ цвѣта.

Помнимъ только, что для насъ,
Передъ тѣмъ какъ часъ погасъ,
Есть завѣтъ,
Свѣтъ заката, красный цвѣтъ.
Сердце, быстрый мигъ лови,
Разъ цвѣтеть цвѣтокъ любви,
Мигъ пройдетъ,—возврата нѣтъ.

*Дѣвушки садятся, лицомъ полуобращенныя къ
Еленѣ: Дѣвушка-Роза, Дѣвушка-Макъ, Дѣвушка-
Гвоздика, Дѣвушка-Дрема рядомъ, на дерновой
скамейкѣ, Дѣвушка-Кораллъ—у ногъ ихъ съ лѣвой
стороны, Дѣвушка-Рубинъ—у ногъ ихъ съ правой
стороны, Дѣвушка-Плакунъ-Трава—одна, на землѣ,
поодаль ото всѣхъ, съ лицомъ склоненнымъ, какъ
тотъ, кто плачетъ.*

Семь Дѣвушекъ

Время уходитъ, время не ждетъ,
Скоро ужъ Солнце въ Морѣ потонетъ,
Прежде чѣмъ Солнце зайдетъ,
Прежде чѣмъ Ночь насъ во мракѣ схоронитъ,
Снова расскажем другъ другу, кто мы,

Будемъ какъ дѣти,
Вспомнимъ, о, вспомнимъ о красочномъ свѣтѣ,
Будемъ сильнѣе уродливой Тьмы.

Дѣвушка - Роза

Мой мигъ летитъ, мгновенна греза,
Зажгутся скоро янтари,
Не будетъ многодневной роза,
Она лишь знаетъ двѣ зари.
Заря разсвѣта и заката
Во мнѣ рождаетъ всѣ мечты,
Но кратки ласки аромата,
Минутна пышность Красоты.
Царицей-розой садъ украшень,
Люби же, сердце, нѣжный свѣтъ,
Ужь Ночь глядитъ съ небесныхъ башень,
Расцвѣту грезъ возврата нѣтъ.

Дѣвушка - Макъ

Краснымъ макомъ пышно поле,
Въ красномъ макѣ—сладкій сонъ,
Я живу на вольной волѣ,
Вижу Землю, Небосклонъ,
Опьяняясь, опьяняю,
Сновидѣнія—мой мѣръ,
Слишкомъ помню, слишкомъ знаю:
Сонъ оконченъ,—конченъ пиръ.
Сновъ, зажженныхъ красной краской,
Ярко свѣтитъ череда.

Сердца, пей, упейся сказкой,
Сны проходят безъ слѣда.

Дѣвушка - Гвоздика

Я гвоздика луговая,
Мнѣ желаненъ алый цвѣтъ,
Я горю, пылая, зная,
Что для грезъ возврата нѣтъ.
Я вбираю лучъ горячій,
Вижу Солнце, вижу лугъ.
Сердце, будь какъ я—иначе
Свѣтъ уйдетъ,—онъ гаснетъ вдругъ.

Дѣвушка - Дрема

Темнѣетъ чаша лѣса,
Тяжелый мракъ печаленъ,
И тучи—какъ завѣса,
Но есть просвѣтъ прогалинь.
Вдругъ раздастся тьма,
Расцвѣтетъ дрема.
Лѣсъ украшенъ мной,
Я цвѣтокъ лѣсной.
Проползетъ змѣя,
Зашуршатъ листы,
Но цвѣтутъ цвѣты.
Сердце, будь какъ я,
Расцвѣти и ты.

Дѣвушка - Рубинъ

Лишь для краснаго огня,
Лишь для алаго разсвѣта,

Лишь для пламеннаго дня
Можно зиму знать и лѣто,
Знать и осень и весну,
Безконечность измѣненья,
Ожиданье, утомленье,
За минуту, за одну
Можно мучиться несчетно
День за днемъ, за годомъ годъ,—
Лишь повѣрить безотчетно,
Что за мукой счастье ждетъ.
Долго въ царствѣ горь ждала я,
Межь камней какъ между льдинъ,
Дождалась я, твердо зная,
Что дождусь, чего ждала я,
Вотъ, зажглась любовь, пылая,
Талисманъ ея—рубинъ.

Дѣвушка - Коралль

Только любовью, въ безбрежности Моря,
Мыслями мыслямъ сочувственно вторя,
Только любя,
Позабывая въ мечтахъ про себя,
Только любовью, надъ пропастью бурной,
Можно взлелѣять оазисъ пурпурный,
Островъ коралловъ надъ бездной морей,
Гдѣ поняла я, что чувство бездонно,
Островъ коралловъ, гдѣ сонно, влюбленно,
Дышетъ Любовь до скончанія дней.

Всѣ шесть Дѣвушекъ, сидящихъ рядомъ, тѣсно

*прижимаются другъ къ другу, и опускаютъ глаза.
Раздается отдаленная музыка. Дѣвушка-Плакунъ-
Трава медленно поднимаетъ голову, и, продолжая
сидѣть на землѣ одна, выпрямляется, скорбная,
но и торжествующая. Музыка вдругъ обрывается.
Шесть Дѣвущекъ мѣняютъ положеніе, вздрогнувъ,
и всѣ смотрятъ на Дѣвушку-Плакунъ-Траву.*

Шесть Дѣвущекъ, къ Седьмой.

Отчего же ты молчишь, одна?
Отчего же ты не вспоминаешь?
Не зовешь, и сердце не плѣняешь?
Красный цвѣтъ, какъ мы, и ты вѣдь знаешь!
Или мысль тебѣ иная въ этотъ яркій часъ
видна?
Иль ты Солнце разлюбила, и душа твоя темна?
Иль мечту твою плѣнили Ночь и желтая Луна?

Дѣвушка-Плакунъ-Трава

Странно слышать мнѣ хваленіе
Торопливости минутъ,
Если долгія мученія
За восторгъ минутный ждуть.
Странно видѣть соблазненіе
Въ томъ, что быстрый мигъ не ждеть:
Такъ извѣстно мнѣ мученіе,
Что во тьмѣ одно мгновеніе
Дольше, чѣмъ подъ Солнцемъ годъ.

И безумныя, безстыдныя,
И невѣрныя слова
Отвергаю—какъ обидныя,
И дрожить Плакунъ-Трава.
Что вы сдѣлали, безъ жалости
Опьяняя такъ мечту,
За одну лишь вспышку алости
Вовлекая въ темноту?
Знаю, знаю, краска страстная
Расцвѣтаетъ и во мнѣ,
Но въ глуши болотъ—ужасная
Мысль не гаснетъ, что напрасная
Боль во всемъ—въ душѣ—на днѣ.
Лѣсъ вамъ, лугъ, и горы черныя,
Море, поле, садъ, слова,—
Но въ повторности позорныя
Не войдетъ Плакунъ-Трава.
И съ мучительною радостью
Ожерелье вашихъ словъ
Я бросаю, съ этой сладостью,
Съ этой горечью ихъ сновъ.
Я видала умирающихъ,
Достигающихъ до дна,
Не хочу я сновъ плѣняющихъ,—
Что мнѣ Солнце, въ краскахъ тающихъ,
Что мнѣ желтая Луна.
Ваша греза безотчетная,
Ваша страсть—лишь мигъ жива.
Но навѣки—глушь болотная,
Вѣкъ дрожить Плакунъ-Трава.

Встаетъ и, обмѣнявшись долгимъ взглядомъ съ Еленой, уходитъ въ чашу деревьевъ.

Шесть Дѣвушекъ, вставая, уходятъ, не смотря на Елену, вслѣдъ за Седьмой Дѣвушкой, и пониженнымъ голосомъ договаривая свои строки.

Солнце въ морской неоглядности тонетъ,
Темныя пропасти Солнце хоронятъ.
Ночь наступаетъ, окончился часъ,
Свѣтъ еще свѣтитъ, но вечеръ погасъ.

Елена глубоко вздыхаетъ, и вытягивается какъ бы вслѣдъ ушедшимъ Дѣвушкамъ, потомъ откидывается назадъ и фроняетъ голову на правую руку, прижимая къ ней и закрывая ей свое лицо.

Любящій возвращается оттуда, куда ушелъ, и подходитъ къ Еленѣ, сохраняющей свою позу.

Любящій. Елена?

Елена, *вздрагивая и поднимая голову.* Ты пришелъ!

Любящій. Солнце зашло, Елена.

Елена. Я смотрѣла на красныя цвѣты.

Любящій. Елена, я люблю тебя.

Елена. Я видѣла красныя цвѣты.

Любящій. Елена, жизнь моя, радость, счастье...

Елена. Какъ прекрасны, какъ они желанны, красныя цвѣты.

Любящій. Люблю тебя.

Елена. Больше нѣтъ красныхъ цвѣтовъ!

Любящій. Елена?

Елена. Красные цвѣты безсильны!

Любящій. Елена, Елена, я лишаюсь разсудка. Что говоришь ты? Я люблю тебя. Что говоришь ты о цвѣтахъ? Я люблю тебя.

Елена. Ты убилъ тотъ цвѣтокъ, который я любила. Я увидѣла взамѣнъ его красные цвѣты. Красный цвѣтъ—желаненъ. Но, когда умираетъ желаніе, красный цвѣтъ—грубый цвѣтъ, тяжкій цвѣтъ, гнетущій. Ты отнял у меня мой воздушный цвѣтокъ. Красные цвѣты ужасны. Уйди! Уйди!

Любящій. Елена, ты губишь сейчасъ и погубишь двѣ жизни.

Елена. Я не жалѣла себя—и мнѣ не жаль тебя.

Любящій. Но я люблю, я хочу тебя.

Елена, *вставая быстро*. Прочь!

Любящій, *выхватывая стилетъ*. Я убью тебя.

Елена, *спокойно*. Я жду.

Любящій, *отступая на шагъ, ударяетъ себя, и падаетъ*. Я люблю тебя.

Елена, *носль долгаго взгляда*. И это—любовь!

Лица третьей картины

ЕЛЕНА
ПОЭТЪ

Голубая комната. Убранство изысканно-простое и строгое. Спереди, слева, длинный диванъ, подобный саркофагу. Высокая лампа, съ золотистымъ свѣтомъ, восходитъ отъ пола, какъ стебель тонкій, но кончающійся пышнымъ цвѣткомъ. Направо, въ глубинѣ, большое окно изъ цѣльнаго стекла. Ночь. Въ окно виденъ горный пейзажъ. Высокія горныя вершины, увѣнчанныя сплошь бѣлыми снѣгами.

Елена и Поэтъ, *тѣсно обнявшись, сидятъ на диванѣ, лицами полуобращенные къ окну.*

Елена. Милый, любимый, скажи мнѣ, гдѣ же мы съ тобой? Я такъ вѣдь этого и не знаю. И я не знаю, что со мной. Ты меня заколдовалъ.

Поэтъ. Ты меня заколдовала, Елена. И такого счастья, какъ ты, красота, я не зналъ до сихъ поръ никогда. Но я знаю, что съ нами, и гдѣ мы теперь. Мы съ тобой въ моемъ родовомъ замкѣ, на далекомъ Сѣверѣ, овѣянномъ сагами. Мы съ тобою въ полярныхъ областяхъ, близъ горныхъ вершинъ,

живущихъ молчаніемъ, и близко отъ великаго Моря, гдѣ со звономъ стоятъ и плывутъ высокія льдины, въ которыхъ не разъ были затерты мертвые корабли.

Елена. Ты увлекъ меня ото всѣхъ, но мнѣ радостно было идти за тобой. Ты не такой, какъ всѣ, и, когда я тебя слушаю, мнѣ кажется, что я въ хрустальной лунной сказкѣ. Я счастлива какъ въ дѣтствѣ. Міръ отодвинулся. Мы съ тобой въ зачарованномъ царствѣ.

Поэтъ. То же самое и со мной. Все отошло отъ меня, и я чувствую только тебя. Тебѣ легко и радостно со мной, какъ въ сновидѣніи, гдѣ все сбывается, чуть только о чемъ подумаешь. А мнѣ хорошо какъ тому, за кого другой, болѣе красивый и вѣщій, чѣмъ онъ, говоритъ его словами о желанномъ, читаетъ угадчивымъ голосомъ то, что жило въ душѣ, но искало словъ, то, что было цвѣткомъ, но ждало расцвѣта, что было внизу, подо льдомъ, виднѣлось, но было сковано,—а теперь прошло черезъ прозрачную преграду, вышло на волю, къ счастью, къ жизни, къ новой, не бывшей еще, радости—видѣть себя, глядѣться всѣмъ ликомъ въ чистую манящую зеркальность.

Елена. О чемъ бы я ни заговорила, родной, ты всегда находишь самыя вѣрныя слова.

Поэтъ. Когда я говорю съ тобой, моя душа обнимается съ твоею, и это ты говоришь черезъ меня. Я гляжу въ твои глаза. Твои глаза—бездонность. Твои глаза чаруютъ, въ нихъ Вѣчность,

они завладѣвають мной. Ты глядишь на меня, и міръ отдѣленъ отъ меня. Ты какъ будто все ближе ко мнѣ, ты во мнѣ, ты—я, и я—ты. Я тону въ Красотѣ. Съ высоты ко мнѣ льются хрустальные звоны. Мы съ тобой вознесены въ призрачныя страны, въ которыхъ все воздушно, какъ бѣлыя хлопья облаковъ. Одна душа переливается въ другую. Облако сливается съ облакомъ. Бѣлизна съ бѣлизной, и эйрность съ эйрностью. Очертанья легко вовлекаются одно въ другое. Призрачныя края сливаются. Родное льнетъ къ родному. Два становится одно. Это—счастье, любовь, неожиданность. Это—лунная сказка въ Лазури, гдѣ лишь нѣсколько крупныхъ дрожащихъ звѣздъ, межъ которыхъ узорно царитъ Семизвѣздіе.

Елена. Ты говоришь, и мнѣ кажется, что я въ голубыхъ гротахъ, гдѣ сіянья сливаются съ отвѣтными сіяньями. Ты говоришь, и все сердце мое съ сладкой болью устремляется къ тебѣ. Во мнѣ звучать струны. Я вся—какъ арфа, но это—твое прикосновеніе создаетъ во мнѣ напѣвность. И мнѣ страшно, что она кончится. Въ ней такое счастье. Я хочу еще звуковъ, еще, милый, говори.

Поэтъ. Я мысленно прохожу всю дорогу своей жизни, и вижу, что все въ моей жизни было лишь смутнымъ приближеніемъ къ тебѣ. Я искалъ и не находилъ. Я былъ безжалостнымъ. Я топталъ и отбрасывалъ, когда то, къ чему я приближался, обманывало своимъ ликомъ мою душу. Я не знаю, что такое жалость, потому что, принося съ собой

цѣлый міръ, отдавая въ себѣ другому цѣлое Небо, всѣ возможности, я невольно хотѣлъ такой же цѣльности въ другомъ. Но полноты всѣхъ звуковъ и отзвуковъ я не находилъ нигдѣ. Я черезъ минуту обладанья, какъ черезъ непрочный мостъ, который, пропустивъ путника, обрушивается, отходилъ, безвозвратно, отъ души и тѣла, которыми владѣлъ. Между мной и тѣмъ, кому я только что отдавалъ всѣ сіянья своихъ глазъ, вдругъ выросла широкая холодная рѣка. Я былъ снова одинъ по эту сторону, а обманъ оставался на томъ берегу. И, если ко мнѣ доносились крики и мольбы, въ которыхъ звучали рыданія, я не отвѣчалъ на нихъ, потому что зналъ, что это безвозвратно. И холодная рѣка, убѣгая къ безгранному Морю, хоронила въ себѣ отраженья минутъ, хоронила, порою, весь ужасъ сердечныхъ кипѣній, которымъ такъ и не дано было вырваться наружу сполна.

Елена. Я слишкомъ хорошо это знаю.

Поэтъ. Когда я увидѣлъ впервые тебя, я сразу узналъ, что съ тобой насъ не разлучитъ холодная преграда. Ты взглянула на меня—помнишь?—когда я гордо бросилъ презрительное слово одному изъ тѣхъ ничтожныхъ, вся жизнь которыхъ проходитъ въ томъ, что они сплетаютъ пути для того, что рвется на волю. Твои глаза радостно блеснули, и такъ странно ты на меня взглянула, какъ будто душа твоя близко подошла къ моей, и довѣрчиво, — безстрастно, но крѣпко, — поцѣловала мою душу. Ты слегка склонила на бокъ свою

голову—и заглянула мнѣ прямо въ глаза. Такъ склоняеть на бокъ свою головку пѣвучая птичка, когда Солнце тепло скользнетъ по ея горлу, издающему самыя вдохновенныя звуки. Я подошелъ къ тебѣ—и это было не первое свиданье, а радость желанной встрѣчи послѣ долгой-долгой разлуки.

Елена. Я полюбила тебя съ перваго взгляда.

Поэтъ. Нашъ послѣдній мигъ будетъ какъ первый. Въ любви нѣтъ времени и нѣтъ „раньше“ и „послѣ“. Въ любви, когда ее найдешь, узнаешь всѣмъ радостнымъ сердцемъ эту безумно-сладостную достовѣрность, что вотъ такъ, какъ сейчасъ, будетъ и еще, и много, и еще, и всегда. Но, прежде чѣмъ я нашелъ тебя, я прошелъ по змѣиностямъ несчетныхъ дорогъ. Они жестоки, дороги любви. Одинъ изъ великихъ людей Сѣвера, чьи слова находятъ откликъ въ тысячахъ и тысячахъ сердецъ, горько и вѣрно воскликнулъ, что дороги любви наполнены—цвѣтами и кровью, цвѣтами и кровью.

Елена. Милый, зачѣмъ ты говоришь объ этомъ? Мнѣ больно. Я тоже знаю, что такое—красный цвѣтъ. Я знаю все, о чемъ думаютъ и думаютъ красныя цвѣты.

Поэтъ, *встаетъ*. Цвѣтъ страсти, цвѣтъ гнѣва, цвѣтъ негодованья, убійственный цвѣтъ, даже въ тотъ мигъ, когда, въ нѣжномъ оттѣнкѣ, онъ—ласковый цвѣтъ стыда.

Елена. Милый, не нужно. Ты видишь, онъ

уже разъединилъ насъ. Ты ушелъ отъ меня, едва мы о немъ заговорили. Отъ насъ навсегда отдалился этотъ кошмаръ красныхъ цвѣтовъ. Мнѣ ласково и нѣжно въ твоей голубой комнатѣ. Мнѣ сказочно и радостно видѣть сквозь это огромное окно царство вершинной Бѣлизны. Отъ лампы струится золотистый свѣтъ, въ немъ ласковость дѣтской сказки. Но погасимъ лампу, и впустимъ къ намъ лунный свѣтъ.

Поэтъ, подходитъ къ лампѣ, и уменьшаетъ ея пламя. Нѣсколько разъ встыхнувъ, лампа гаснетъ. Наклоняясь къ Еленѣ, онъ цѣлуетъ ее въ лобъ, они оба, обнявшись, подходятъ къ окну Комнатой постепенно завладѣваетъ голубовато-зеленоватый свѣтъ Луны. Молчаніе.

Елена. Лунный свѣтъ до насъ доходить, но Луна еще далеко. Она взойдетъ сегодня позднѣе.

Поэтъ. Я уже чувствую ея ласки на твоемъ и на моемъ лицѣ. Ты стала еще воздушнѣе и нѣжнѣе.

Елена. Когда мы приближались къ этимъ горамъ, она была серебряной. Когда мы были въ самой тѣсной запутанности ущелій, она свѣтила намъ какъ золотая чаша, изъ которой пьютъ сладость Индійскіе боги. А вчера она утратила часть своего золота. И сегодня она будетъ ущербной.

Поэтъ. Она красива всегда, отъ начала до конца. Какъ любовь.

Елена. Я жду, чтобы она глянула на насъ черезъ окно.

Поэтъ. Посмотри, какъ спокойны горныя вершины. Они живутъ Луною и молчаніемъ. Я гляжу и вспоминаю о томъ, что было въ безызмѣрно далекомъ прошломъ нашей Земли. Геніи Луны когда-то низошли сюда оттуда, и это отъ нихъ у насъ человѣческій нашъ ликъ. Они отбросили отъ себя лучистую тѣнь, и эти свѣтлые призраки облекли нашу страстность. Они замкнули нашу бурю, и всѣ стихіи нашей крови, въ эфирно-легкую одежду красивыхъ стройныхъ тѣлъ. Мы на Землѣ, но мы небесные. Намъ дала свою воздушную загадочность Луна. Оттого-то мы такъ любимъ ее, когда мы любимъ. Оттого мы ждемъ ея возникновенья, когда мы счастливы, какъ счастливы сейчасъ, или когда мы жаждемъ и ждемъ сочетаній влюбленности. Оттого наше Море безумствуетъ, и волны тянутся къ Лунѣ, когда нѣжный полумѣсяцъ пронзитъ глубокою Лазурь своимъ серебрянымъ намекомъ.

Елена. Луна отдала намъ свою жизнь, а сама умерла? Я часто объ этомъ думала. Ей хочется снова и снова быть живой. Она живетъ, но какъ привидѣніе, и зоветъ къ жизни ночныя травы, чтобы вдыхать ихъ аромать, и зоветъ на свиданіе всѣхъ влюбленныхъ, чтобы выпить жизнь изъ неосторожнаго, и сіянемъ своимъ сдѣлать румяное лицо блѣднымъ, убить земное, и сблизить насъ этимъ колдовствомъ съ призрачными странами Неба.

Поэтъ. Луна—Любовь, а въ Любви и жизнь и смерть сливаются въ одно.

Елена. Луна всегда посылаетъ мнѣ странные сны. Я скажу тебѣ, что мнѣ снилось вчера. Но только скажи мнѣ раньше опять тѣ строки, которыя ты вчера говорилъ мнѣ. Вчера, въ полночь. Когда послѣдняя боязнь ушла. Растаяла какъ дымка тумана надъ Водой.

Поэтъ. Тѣ строки о золотѣ сна?

Елена. Да. Но только сядемъ опять, какъ мы были раньше. Пойдемъ.

Поэтъ. Пойдемъ. Луна сейчасъ заглянетъ къ намъ въ окно. *Они садятся на прежнемъ мѣстѣ, на диванъ, и тихо сидятъ, обнявшись, въ полосѣ луннаго свѣта. Втеченіе ихъ разговора, медленно, съ лѣвой стороны, возникаетъ, противъ окна, между снѣжныхъ горъ, странная надъ дымнымъ одинокимъ облакомъ, ущербная Луна.*

Елена. Мнѣ кажется, какъ будто что-то ласковое насъ опять сковало. Опять, какъ вчера. Я люблю тебя, милый. Какъ мнѣ радостно, что я вся—твоя, вся—ты.

Поэтъ. Я опять какъ во снѣ. Цѣпи золотого сна. Ты спросила меня вчера, что больше всего меня волнуетъ напоминаніемъ о таинствѣ любви. Я сказалъ тебѣ. Не лѣсъ, не горы, не люди, не музыка, не звѣзды, не Солнце, а Луна. Царица облачныхъ просторовъ и полночныхъ травъ. Луна, своимъ внезапнымъ появленіемъ взметающая въ душѣ цѣлую бурю воспоминаній непостижныхъ.

Луна, когда она сверкаетъ

Надъ Моремъ, жаждущимъ лучей,

Или надъ лугомъ возникаетъ,
Съ его качаніемъ стеблей,
Съ его шептаньемъ, замираньемъ
Неуловимыхъ вѣтерковъ,
Съ его колдующимъ вліяньемъ
Влюбленно-дышащихъ цвѣтковъ.
Луна, когда она такъ низко,
Что сердцу кажется земной,
И шепчетъ дѣвушка: „Онъ близко!
„О, что онъ сдѣлаетъ со мной?“
Луна, вѣнчалница смущенныхъ,
Боящихся самихъ себя,
На свадьбѣ мыслей позлащенныхъ,
Гдѣ сладко онъ жестокъ, любя.

Молчаніе

Елена. Я жалѣю, что я не могу тысячу и тысячу разъ встрѣтить тебя опять впервые и сказать тебѣ впервые „Люблю“, и отдать себя впервые тебѣ, тебѣ, единственное мое счастье.

Поэтъ. Елена, ты не знаешь, что этотъ Замокъ заколдованъ? Быть можетъ, мы уже никогда не уйдемъ отсюда.

Елена. Если не умомъ, я сердцемъ знаю все. Я не боюсь ничего, кромѣ разлуки съ тобой. Ты какъ волшебное зеркало, въ которомъ я въ первый разъ вижу себя, и вижу, что я красива.

Поэтъ. Этотъ Замокъ—горный чертогъ душъ, влюбленныхъ въ Красоту. Кто, любя въ немъ, любить не сполна, тотъ можетъ и долженъ уйти

отсюда, спуститься опять внизъ, въ долины, съ сердцемъ полусчастливымъ отъ извѣданной радости, и полуразбитымъ отъ оконченности счастья, и отъ стыда своей неполноты. А тотъ, кто, любя въ немъ, любитъ сполна, холодѣетъ, и становится бѣлымъ призракомъ, и никогда ужъ не можетъ возвратиться къ земному, не будетъ больше знать униженія, но никогда и не узнаетъ розовой улыбки земного Утра. Онъ будетъ вѣчно въ царствѣ Бѣлизны и въ таинствѣ луннаго свѣта. Въ зеленыхъ гротахъ межъ голубыхъ цвѣтовъ.

Елена. Родной, любимый, ты все время читаешь въ моей душѣ. Я хотѣла рассказать тебѣ свой сонъ. Слушай. Ты поймешь. Я видѣла Море синихъ душистыхъ цвѣтовъ, какихъ никогда еще не встрѣчала, и среди нихъ тебя и себя. Мы стояли утопая въ душистой живой синевѣ. Сверху сыпались, окропляя наши лица росой, эти странные синіе цвѣты. Между ними мелькали знакомыя лица, знакомые призраки несли намъ синіе цвѣты, и торопливо исчезали. Ты стоялъ съ закрытыми глазами, и лицо твое съ каждымъ мигомъ преображалось, каждый мигъ становилось все озареннѣе. Казалось, ты видѣлъ, видѣлъ то, чего я еще не вижу, но вотъ сейчасъ увижу. Ты все прозрачнѣе. Все тоньше преграда. Синій дождь цвѣтовой все обильнѣе. Я закрываю на мгновеніе глаза. Вдругъ у тебя вырывается безумный страшный далекій крикъ. Цвѣты раздвигаются, и мы, упавъ другъ на друга, летимъ въ бездонную, черную, но блистающую

своею чернотой, пропасть. Я проснулась, но ты былъ около меня. И я знаю теперь, почему это счастье смѣшалось со страхомъ.

Поэтъ. Скажи.

Елена. Мы больше не выйдемъ изъ этого Замка. Мы сами заколдовали себя. Мы умремъ для земного, и мигъ перехода страшенъ для души, которая скована тѣломъ. Но мы навсегда, навсегда соединились. Можно ли жить земнымъ, когда извѣдалъ Любовь. Милый, единственный, ты, который понимаешь и любишь все, ты, который нашелъ и сразу увидѣлъ меня, ты не уйдешь больше отъ меня, какъ не уйду отъ тебя я. Мы связаны нашей свободой и таинствомъ Любви. Насъ обвинчала—Луна. *Они тѣснѣе обнимаются, и, озаренные луннымъ свѣтомъ, кажутся, какъ бы слитыми въ одно, двумя призраками. Прямо передъ ними, за огромнымъ окномъ, возникаетъ между горъ Луна.*

Поэтъ. Я всю жизнь тебя ждалъ, и буду любить тебя здѣсь и повсюду.

Елена. Я тебя полюбила, и только съ тобой узнала, что значитъ дышать.

Поэтъ. Ты чувствуешь, это мѣсто, этотъ часъ, эти чары—пьютъ нашу кровь.

Елена. Я отдала бы тебѣ тысячу жизней, и рада быть съ тобой вездѣ.

Поэтъ. Мы уснемъ, но проснемся. Мы здѣсь уснемъ, но пробудимся не здѣсь.

Елена. Горныя вершины и лунный свѣтъ сохранятъ насъ и память о насъ.

Поэтъ. Я чувствую, что я все ближе и ближе къ тебѣ.

Елена. Милый, я холодѣю.

Поэтъ. Ты вся стала воздушной и блѣдной, ты съ каждымъ мигомъ все прекраснѣе.

Елена. Я стыну, о, счастье. Я гасну—въ тебѣ. Ты—лунный. Я люблю тебя.

Поэтъ. Голубые цвѣты цвѣтутъ. Мы вмѣстѣ. Ты—все. Я люблю тебя.

Царство великаго Молчанія

